

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXVII¹⁾.

такъ, мечта погибла, иллюзіи казались разрушенными, а въ недалекомъ будущемъ насъ ожидала вѣчная разлука...

Однако, властный голосъ сердца рѣшилъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе, и лучъ надежды снова озарилъ мой потемнѣвшій горизонтъ.

— Не оставляй меня, дорогой, бесконечно любимый!—задыхаясь, въ слезахъ умоляла я: скажи,—что ты вѣришь мнѣ, скажи только слово, и я послѣдую за тобой хоть на край свѣта...

— Нѣтъ! что-нибудь да было, вѣроятно!—отвѣтилъ онъ, загораюсь опять ревнивымъ подозрѣніемъ:—слишкомъ ужъ громкіе слухи долетали ко мнѣ о твоихъ якобы удивительныхъ триумфахъ на берегахъ Нила!.. Вотъ что значитъ неправильный путь, по которому ты шла, не оглядываясь, руководимая лишь инстинктомъ женскаго коварства и, такимъ образомъ, свою жизнь исковеркала и мою загубила навсегда...

— Ты самъ теперь прекрасно знаешь, что это легенда, злая, скверная легенда и все-таки продолжаешь упорствовать!—перебила я съ негодованіемъ.

— Всѣми фибрами моего существа хочу вѣрить тебѣ!—былъ его отвѣтъ:—только не здѣсь еще весь ужасъ нашей судьбы... но ты меня не понимаешь, ты никогда не поймешь меня, христіанка!—горячимъ, трепетнымъ шепотомъ договорилъ онъ.

Тогда его затаенная мысль, его колебанія и сомнѣнія откры-

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г.

лись передо мной: „все написано въ книгѣ судебъ раньше начала временъ“, гласить Коранъ или другими словами: дѣяніе cadaго человека опредѣлено заранѣе, а потому люди ничего не могутъ измѣнить вокругъ себя.

Тафти, хотя и просвѣщенный до нѣкоторой степени западной цивилизаціей, тѣмъ не менѣе сохранялъ въ душѣ наивную вѣру въ предопредѣленіе. Зато мнѣ, свободной отъ гнета мусульманскаго Кесмета, было несравненно легче выбраться изъ лабиринта противорѣчій, куда мы зашли оба, гонимые силой исключительныхъ условій, окружавшихъ нашу жизнь магическимъ кольцомъ, и подойти ближе къ рѣшенію сложной для него задачи.

— Нѣтъ, милый, дорогой! ты заблуждаешься, называя судьбу жестокой, неумолимой, — съ увѣренностью любви возразила я: — нѣтъ! она выше, разумнѣе, чѣмъ кажется тебѣ, воспитанному на предрассудкахъ Ислама. Но станемъ въ данный моментъ на точку зрѣнія вашей религіи, которая учитъ, что даже мышленіемъ человека управляетъ Кесметъ. Не такъ ли? Вспомни, ты говорилъ и увѣжденно повторялъ вотъ эти слова: „могуществомъ предопредѣленія мы созданы одинъ для другого, и никакая сила на землѣ не разъединитъ насъ, а иначе судьба не привела бы тебя изъ далекаго, чуждаго края на мой жизненный путь“. Тафти, будемъ вѣрить ей — развѣ не ясно, какъ Божій день, что именно такова ея непреложная воля? Я не оставляю тебя даже подъ огнемъ пушекъ — уйдемъ туда вмѣстѣ, мой прелестный другъ! Все равно, здѣсь мы никогда не избавились бы отъ цѣпей фанатизма и надзора дипломатин — увези меня отсюда или я умру! — страстной мольбой вырвалось изъ груди и проникло въ его сердце. Онъ вздрогнулъ, какъ будто побѣжденный внезапно хлынувшей на него волною:

— О, милая, свѣтлая звѣздочка, ты разбудила меня отъ кошмара! — уже не скрывая горячаго порыва, отозвался онъ, точно захваченный экстазомъ необъятной радости. — Я благословляю тебя, какъ даръ небесъ! Пусть волнуются дипломаты и бряцаютъ оружіемъ; но мы не разстанемся. Послѣ бури солнце ярче свѣтитъ, и если ты рѣшаешься довѣриться мнѣ, то я клянусь тебѣ всѣми священными завѣтами Ислама окружить твою жизнь такимъ обоженіемъ, какое не грезилось еще ни одной женщинѣ даже во снѣ...

Какъ опьяненная жаркимъ дыханіемъ весны и ароматомъ ея розъ, слушала я волшебную сказку, которую рассказывалъ онъ, и съ невольнымъ чувствомъ безграничнаго восхищенія любовалась его идеальной красотой: мнѣ казалось, что душа моя, покинувъ земную оболочку, парила въ облакахъ надъ цвѣтущимъ садомъ, гдѣ каждый лепестокъ и травка пѣли гимнъ нашей любви. Прошлое, настоя-

щее, люди, вещи, доводы разсудка—все это сразу отодвинулось передо мною куда-то въ туманную даль, словно для того, чтобы я видѣла только дивные, черные, какъ южная ночь, глаза, въ которыхъ горѣло пламя непреодолимой страсти.

Вдругъ на порогѣ дверей изъ коридора обрисовалась фигура секретаря: онъ вошелъ и мимикой напомнилъ своему другу о времени. А между тѣмъ на протяженіи не болѣе часа мы пережили вдвоемъ цѣлую эпоху за гранью вѣшняго міра.

Я хотѣла отойти въ сторону; но Тафти, не стѣсняясь присутствіемъ Вафиръ-бея, еще крѣпче обвился руками вокругъ моихъ плечъ и, даже не понижая голоса, сказалъ:

— Условимся такъ: въ четвергъ не позже двухъ часовъ приходи къ Фатимѣ: она пока у меня, я задержу окончательный разводъ съ нею еще на нѣсколько дней и, такимъ образомъ, раньше, чѣмъ уѣхать отсюда, мы будемъ встрѣчаться безъ всякаго риска для нашего дѣла. Но теперь, милая, дорогая, вернемся къ обществу, а если тетюшка спроситъ, то объясни ей, что была все время на хорахъ—она, конечно, повѣритъ...

— Несказанно счастливъ успокоить васъ, *mademoiselle*,—вмѣшался неожиданно Вафиръ-бей:—*madame Darivo* именно такъ и полагаетъ—я только что имѣлъ честь обмѣняться съ ней привѣтствіемъ.

— А! благодарю тебя, товарищъ!—отвѣтилъ ему Тафти и, наклоняясь опять къ моему лицу, продолжалъ; но въ тонѣ его вдругъ задрожала нотка другого настроенія.—Объ одномъ убѣдительно прошу тебя: не танцуй тамъ ни съ кѣмъ, рѣшительно ни съ кѣмъ! Ваши танцы—самая безнравственная вещь на свѣтѣ: я не могу безъ содроганія ужаса представить себѣ, какъ другой мужчина обниметъ талію, которую сжимали мои руки. А если ты заставишь меня созерцать это возмутительное зрѣлище, то... берегись!..

Такъ говорилъ питомецъ гаремовъ, ослѣпленный ревностью и не знавшій ея предѣловъ.

Жуткая минута снова омрачила всѣ мои иллюзіи; я рѣшилась тогда въ послѣдній разъ прислушаться къ голосу, который нерѣдко спрашивалъ меня: „хватитъ ли у тебя настолько душевныхъ силъ, чтобы оторваться навсегда отъ привычныхъ условій жизни европейской расы? Какъ подойдешь ты къ психикѣ азіата и къ его идеаламъ—развѣ это не загадка?“... Но когда наши глаза встрѣтились, и я прочла нѣмой вопросъ въ огненныхъ зрачкахъ, то отвѣтила своему прекрасному другу:

— Тафти, мое счастье и божество, ничего подобнаго не будетъ: я ухожу наверхъ къ Элиме и остаюсь тамъ до конца:—твоя воля—законъ для меня...

Такимъ образомъ, неотразимая логика любви оказалась убѣдительною протестующихъ доводовъ разума...

На хорахъ, забронированныхъ деревянными рѣшетками, царилъ полумракъ. Я не успѣла еще перешагнуть туда черезъ порогъ, какъ навстрѣчу мнѣ хлынулъ бурный потокъ шумныхъ восклицаній и со всѣхъ сторонъ меня принялись тормошить:

— А! золотая рыбка, въ какихъ моряхъ плавала и ныряла? Ну, да! знаемъ, знаемъ все! Почему не танцовали сегодня? А съ кѣмъ проводили часы блаженства?.. Да! да! и это намъ извѣстно!.. кричали вокругъ расшалившіяся плѣнницы гаремовъ.

— Однако,—думалось мнѣ въ тревогѣ за будущее,—даже каменные стѣны не охраняютъ секретовъ отъ проникательныхъ глазокъ турецкихъ дамъ... А безтолковые, нелѣпые вопросы и комментаріи такъ и сыпались, какъ барабанная дробь на военномъ плацу.

— Кто шилъ вамъ платье? гдѣ покупали ленты? Когда же, наконецъ, вы обвиняетесь съ нашимъ адъютантомъ? Покажите вѣрь! Говорятъ, что новый падишахъ теритъ не можетъ русскихъ! Расскажите намъ что-нибудь смѣшное о вашихъ ученыхъ! Приходите завтра къ намъ въ баню! Правда ли, что хедивъ подарилъ вамъ какое-то волшебное кольцо?..

Послѣ ярко освѣщенныхъ комнатъ внизу я все еще продолжала не различать отдѣльныхъ фигуръ въ темнотѣ, наполнявшей хоры, какъ вдругъ чья-то рука сжала мою и увлекла меня въ сторону, а вкрадчивый голосъ тихо сказалъ:

— Вотъ здѣсь намъ будетъ удобно,—и мы притаились за выступомъ стѣны въ концѣ галлерей.

— Ягненочекъ мой *невинный*,—заговорила Элиме, симулируя искренній тонъ, что совершенно не отвѣчало ея природнымъ качествамъ, я украшая свою рѣчь колоритными добавленіями въ турецкомъ стилѣ:—объясните мнѣ, кто устроилъ вамъ свиданіе въ кабинетѣ отца, и почему вы не обратились за этимъ къ моему содѣйствію? Ну, бѣленькій цвѣточекъ, расскажите, о чемъ толковали вы съ беємъ?

Я слушала ее съ недобрымъ чувствомъ, убѣжденная заранѣе, что она сдѣлаетъ все, лишь бы испортить мое радужное, торжествующее настроеніе; но внезапно мнѣ блеснула идея перехитрить турчанку:

— А-а!—протянула я съ дѣланымъ равнодушіемъ:—онъ здѣсь, на раутѣ? Да?.. Удивительно, какъ мы не встрѣтились тамъ?..

— Ну, возможно ли такъ безсовѣстно врать!—вспыхнула она, уже теряя послѣднюю силу, которая сдерживала порывы ея дикаго нрава:—а глаза почему у васъ красные? Отсюда не трудно узнать, что вамъ хорошо влетѣло за Египетъ, и вы плакали.

— Нѣтъ, у меня насморкъ!—получила моя любознательная собесѣдница въ отвѣтъ.

— Странно и даже очень странно, разсердилась она, сверкнувъ зрачками, точно озлобленная кошка:—всѣ люди, какъ люди—только съ вами творится что-то неладное: обмороки, припадки и разныя необычайныя болѣзни! Впрочемъ, такъ оно и должно быть: вы родились на круглой землѣ, ходили по ней вверху ногами, а головой внизъ—слѣдовательно, у васъ тамъ рѣшительно все другое... Но, моя жемчужина,—съ быстротой хамелеона мѣняя свой обликъ, прибавила Элиме, какъ бы вдругъ осѣненная чудеснымъ даромъ пророчества: откройте мнѣ душу и сердце—развѣ я—не единственный вамъ другъ на свѣтѣ? и да совершится то, что назначено Аллахомъ по Его божественному опредѣленію...

— Увѣрю васъ, милая Элиме,—возразила я, не смущаясь:—намъ съ Тафти еще ни разу не приходилось видѣться наединѣ, да и зачѣмъ?..

— А! когда такъ, вотъ же вамъ!—и въ бѣшенномъ ожесточеніи она принялась щипать меня за бока—излюбленный приѣмъ дикой расправы у турецкихъ женщинъ. Я закричала не своимъ голосомъ, размахнулась; но ударъ не попалъ въ цѣль, а скользнулъ вдоль ея плеча.

— Не смѣй драться, гяурка!—шипѣла моя пріятельница.—Я отомщу! Я знаю чѣмъ и устрою все иначе, по-своему!..

— А я устрою еще лучше,—былъ мой отвѣтъ: Тафти обѣщала вамъ бриліантовыя серьги и кольцо? Ну... вы ихъ не получите!..

Къ счастью, шумъ наверху и снизу, а также оркестръ заглушали наши голоса, благодаря чему скандалъ не пошелъ далѣе того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Однако, угроза все-таки воздѣйствовала, и я увидѣла собственными глазами *перевоплощеніе* фуріи въ кроткую овечку по способу Овидія Назона. Недаромъ и Шекспиръ сказалъ: „Драгоцѣнныя, нѣмые камни въ своемъ молчаніи больше трогаютъ женскую душу, чѣмъ живыя слова“. А потому ничего нѣтъ удивительнаго, если, напримѣръ, гаремная нравственность также оказалась безсильной передъ неотразимымъ очарованіемъ ювелирной игрушки.

— Что съ вами, розовый бутончикъ? Ахъ, какая вы мнительная, и пошутить нельзя? Что-о? больно? развѣ?—съ неподражаемой наивностью спрашивала турчанка:—да нѣтъ же, нѣтъ! я только хотѣла слегка прощупать вашъ корсетъ, чтобы купить себѣ такой—мнѣ нравится его форма, а вы подняли цѣлую исторію! Не хорошо! не хорошо!—въ примирительномъ тонѣ закончила она, нѣжно прикасаясь губами къ моей щекѣ.

Было, надо сознаться, и очень глупо и смѣшно; но я вспомнила тутъ же, что якобы „худой миръ лучше доброй ссоры“, и отвѣтила ей также поцѣлуемъ, а затѣмъ рука объ руку мы направилась съ ней къ нетерпѣливо ожидавшей нашего возвращенія компаніи турецкихъ дамъ.

Г л а в а XXVIII.

Да не посѣтуетъ на меня благосклонный читатель, если я опять задержу его въ области, населенной земными гуріями. Утонченная фантазія нашей литературы окружаетъ ихъ то прелестью волшебной сказки, то мрачной легендой, и мы читаемъ все это съ громаднымъ интересомъ, тогда какъ правда находится здѣсь почти всегда очень далеко отъ дѣйствительности. Понятно также безъ всякихъ комментаріевъ, что европейка, имѣвшая доступъ въ запретную часть магометанскаго жилища, невольно привлекаетъ къ себѣ любопытное вниманіе общества.

Для иллюстраціи сказаннаго предлагаю въ настоящей главѣ другую сценку, которая будетъ служить продолженіемъ описанной выше, и кстати надо еще объяснить, почему дѣйствіе моего разсказа я должна вести въ полумракѣ.

Рѣшеніе этого вопроса слѣдующее: въ ложахъ или въ галереяхъ на хорахъ, гдѣ размѣщаютъ, какъ въ данномъ случаѣ, мусульманокъ, не полагается никакого освѣщенія для того, чтобы всюду якобы проникающее око гяура не могло бы различать даже силуэтовъ на фонѣ деревянныхъ рѣшетокъ, которыми всегда маскируютъ восточныхъ красавицъ въ публичныхъ собраніяхъ.

Такъ придумала ревность и таковы нравы. А вотъ и опять устремилась ко мнѣ шумная толпа затворницъ, словно я пришла къ нимъ вѣстникомъ чего-то новаго и очень интереснаго. Да оно, пожалуй, сравненіе это какъ нельзя лучше идетъ сюда: развѣ не заманчивой казалась идея перекинуть черезъ меня хотя бы одну ниточку по ту сторону барьера, гдѣ двигался живой калейдоскопъ, и куда обращались взоры плѣнницъ Ислама!

Тѣмъ временемъ глаза мои уже приспособились къ полутьмѣ, и я увидѣла картинку, своимъ необычнымъ видомъ поразившую меня: вѣроятно для того, чтобы окружить себя иллюзіями бала, турецкія щеголихи наперекоръ священнымъ традиціямъ и закону явились въ тотъ знаменательный вечеръ на хоры въ шикарномъ, но чрезвычайно рискованномъ декольте парижскаго фасона, предупреждая, такимъ образомъ, либеральныя реформы, обѣщанныя Мидхатъ-пашою.

А тамъ, внизу, мужьямъ и властелинамъ прекрасныхъ одалисокъ даже не снилось, что Конституція — хотя, правда, еще не подписанная къ данному моменту Абдуль-Хамидомъ — стала уже несомнѣннымъ фактомъ въ житейскомъ обиходѣ Полумѣсяца...

— Вотъ какія онѣ, турчанки! вотъ какой онъ, рай Магомета! — формулируя свои впечатлѣнія, сказалъ бы непременно иностранецъ, если бы волею капризнаго случая его перебросило бы туда, наверхъ: — развѣ небесныя гуріи одѣваются въ бальныя туалеты съ открытыми лифами и носятъ французскіе каблуки? развѣ лучезарныя существа въ обители Пророка гримируются, какъ у насъ въ балаганахъ? Нѣтъ! здѣсь что-то не ладно, или Шехерезада обманула меня?..

И дѣйствительно, гаремныя франтихи въ погонѣ за европейскими образцами не выдержали стиля на этотъ разъ. Но въ параллель чужеземному облику, мѣстный колоритъ оставался незатемненнымъ: фізіономіи, заштукатуренныя густыми слоями бѣлилъ и яркихъ румянъ, изображали собой картонныя маски; губы алѣли отъ кармина, а вѣки, обведенныя широкими полосками черной туши, несоразмѣрно увеличивали глаза, придавая имъ выраженіе хищныхъ птицъ.

Даже въ банѣ или на вечеринкахъ Рамазана не приходилось мнѣ наблюдать ихъ въ такомъ разрисованномъ видѣ — я не смогла преодолѣть себя и громко расхохоталась.

— Машалла! ¹⁾ — вскрикнули озадаченныя гуріи: — что случилось? чему смѣетесь?.. Ну, золотыя глазки, коралловый ротикъ ²⁾, расскажите намъ!..

— Удовольствіе сердца ³⁾, ягненочекъ! — шепнула мнѣ рыженькая Мануся, жена Вафиръ-бея: — кажется, у васъ болитъ что-то, вы плачете даже?

— Ахъ, нѣтъ! — говорила я, смахивая набѣгавшія слезы въ отчаянной борьбѣ съ приливомъ бѣшенаго хохота, потрясавшаго мои развинченныя нервы: — это у меня отъ радости за Николая Маркополи: благодаря турецкимъ дамамъ его дѣла идутъ прекрасно...

Однако, моя иронія не попала въ цѣль: едва лишь популярное въ гаремахъ имъ торговца косметиками было произнесено, какъ настроеніе умовъ вокругъ меня тотчасъ же измѣнилось:

¹⁾ Восклицаніе, по-нашему: „Господи“!

²⁾ Ласкательныя прозвища.

³⁾ Метафора.

— Какъ! Маркополи вашъ другъ?! Валлахъ! ¹⁾ дается же чело-
вѣку такъ много отъ судьбы! А вотъ почему не намъ, бѣднымъ
женщинамъ?!—возмущенныя несправедливымъ порядкомъ вещей на
бѣломъ свѣтѣ, жаловались мои собесѣдницы.

— Значить, „Кесметъ“ и больше ничего: кому что назначено,—
авторитетно подтвердила Харикля, сирійская арабка. Ея родители,
какъ и она, были православными; но по всѣмъ привычкамъ жизни
онѣ стояли ближе къ мусульманамъ, чѣмъ къ христіанамъ.

— Наслажденіе очей, свѣтъ утренней зари ²⁾!—окликнула меня
Зера, любимая невольница коменданта цитадели: — будьте намъ
родной сестрой, попросите господина Маркополи, чтобы онъ дешевле
продавалъ бѣлила—вы сами должны понять, что вещь эта необхо-
дима въ хозяйскомъ обиходѣ, а у него за крошечную баночку
меньше кофейнаго фиджана берутъ 10 піастровъ! Развѣ можно
такъ обижать людей?!..

— А румяна, духи, помада, карандаши? Откуда намъ взять
столько денегъ?!—подхватили остальные.

— Утѣшеніе больныхъ и несчастныхъ, красавица наша! истин-
ную правду сказала ворожея, когда мы гадали о вашей судьбѣ, что
даже ясный мѣсяцъ въ небесахъ любитъ васъ и говоритъ: никогда
не видалъ я такой прекрасной женщины на землѣ! — безъ всякаго
стѣсненія вралъ хитрый созданія. Но не суждено было мнѣ выдер-
жать роль до конца, и не по моимъ силамъ оказалось это послѣ
тяжелой драмы съ Тафти: нервная спазма перехватила дыханіе,
горячая волна подкатила къ сердцу, мелькнули, точно въ туманѣ,
фигуры одалисокъ, и я опрокинулась кому-то на руки въ припадкѣ
жестокой истерики.

Тревога поднялась великая: дикіе вопли: „Аллахъ! Аллахъ! злой
духъ пришелъ къ намъ!“—огласили своды зданія, и турчанки, какъ
стадо овецъ, гонимыхъ внезапно налетѣвшимъ циклономъ, разбѣга-
лись по галлереямъ; но рѣзкіе окрики евнуховъ, сторожившихъ
входы и выходы, заставляли ихъ оставаться на своихъ мѣстахъ за
рѣшетками.

Наконецъ, позвали снизу мою тетюшку; она успокоила меня, а
затѣмъ мы отправились домой.

Такимъ образомъ, воля Тафти была исполнена: въ тотъ вечеръ
я не танцевала ни съ кѣмъ...

¹⁾ Клянусь!

²⁾ Метафоры.

Г л а в а XXIX.

Въ концѣ сентября политическій горизонтъ уже туманился призракомъ кровавой борьбы Россіи съ Турціей, и въ нашу сторону безъ всякихъ прелюдій очень даже откровенно бряцали оружіемъ. А въ полосѣ военныхъ дѣйствій Черняевъ наступалъ и терпѣлъ одно пораженіе за другимъ.

Я не намѣрена увлѣкать за собой читателя въ область точной хронологіи турецко-сербской кампаніи по тѣмъ соображеніямъ, что все это уже давно извѣстно каждому, а буду держаться фактовъ, за правдивость которыхъ ручаюсь. Итакъ, надъ Босфоромъ собирались грозовыя тучи. Взоры народовъ съ глубочайшимъ вниманіемъ обращались къ сѣверу; но усилія европейскихъ державъ клонились лишь къ тому, чтобы не своими, понятно, а нашими собственными руками загребать жаръ изъ костровъ, пылавшихъ на Балканахъ: „ахъ, ты, мудреная, безтолковая птица, хотя у тебя и двойная башка, а вотъ прозѣвала Абдуль-Азиса!“ — таково было летучее словечко Мидхатъ-паши въ честь русскаго герба.

Конечно, дѣло не въ томъ, что мы оказались безсильны и не поддержали султана, лично къ намъ расположеннаго: ни Бисмарка и Гладстона, ни даже Биконсфильда или Эренталя у насъ, какъ гласитъ исторія, еще никогда и не было—слѣдовательно, произошло то, что находилось въ обычномъ порядкѣ вещей для самолюбія Россіи. Такимъ образомъ рѣшеніе этого вопроса лежитъ именно здѣсь, и Мидхатъ-паша, какъ нельзя точнѣе, опредѣлилъ хроническій дальтонизмъ нашей политики. Къ сожалѣнію, а приходится волей-неволей отмѣтить характерный фактъ изъ жизни русскаго представительства, чтобы нагляднѣе иллюстрировать мои доводы.

На зарѣ утра 30 мая передъ окнами лѣтняго дворца нашего посольства въ Буюкдере остановился турецкій фрегатъ и, бросивъ якорь, открылъ свои люки, чтобы показать намъ жерла громаднхъ пушекъ такъ же британскаго издѣлія, какъ и ножницы Адуль-Азиса.

Разбуженные дипломаты никакъ не могли объяснить себѣ этого зрѣлища, а картина была внушительная!.. Бросились къ телеграфу; но у входа стоялъ караулъ съ примкнутыми штыками... Тогда оказалось, что всѣ пути сообщеній между городомъ и окрестностью были закрыты по распоряженію изъ Высокой Порты.

Наконецъ, въ 10 часовъ дворцовый катеръ привезъ генералу Игнатьеву официальное увѣдомленіе о восшествіи на тронъ Полу-мѣсяца Мурада V.

Не анекдотъ ли рассказала я сейчасъ? О, нѣтъ! еще здравствуютъ, благодареніе Богу, очень многіе изъ тѣхъ, прославшихъ самый фатальный для нашей восточной политики моментъ, на протяженіи котораго Англія однимъ только взмахомъ пера („стального“, конечно, а не гусиного и собственной фабрикаціи) вычеркнула насъ изъ „книги судебъ“ турецкаго государства и вписала туда новую страницу...

Впрочемъ, оставимъ это, чтобы не нарушать порядка въ историческомъ ходѣ событій, и послѣдуемъ за Абдуль-Хамидомъ.

Въ массахъ народа о его существованіи даже не знали, а въ сферахъ, окружавшихъ Абдуль-Азиса, на него просто не обращали вниманія.

Наша дипломатія, по своимъ роднымъ традиціямъ, пребывая, какъ обыкновенно, въ области туманныхъ заблужденій, не учла также его шансовъ, а потому онъ и спуталъ ей карты, на которыхъ она гадала Юсуфъ-Иззедину...

— Что изображалъ собою этотъ новый повелитель оттомановъ? Какая держава увлечетъ его въ орбиту своего исключительнаго „вліянія“ и придетъ ли когда-нибудь часъ избавленія отъ европейскихъ кандаловъ?—вотъ что наполняло душевной тревогой непосвященныхъ въ босфорскія тайны.

И дѣйствительно, говоря откровенно, слишкомъ ужъ нахальное вмѣшательство Европы въ домашніе порядки турецкаго государства жестоко оскорбляло самолюбіе націи, разжигая въ ней фанатизмъ и пламенную ненависть къ христіанамъ.

Переворотъ 31 августа не былъ ни политическимъ эффектомъ, ни сюрпризомъ дипломатіи: его ожидали всѣ, и онъ являлся по логикѣ вещей только неизбѣжнымъ, какъ судьба. Не было также восторговъ и преувеличенныхъ надеждъ знаменательнаго дня 30 мая, а столичная пресса, отвѣчая настроенію Мидхатъ-паши, встрѣтила Абдуль-Хамида довольно кислой гримасой, за которой пряталось горькое разочарованіе, такъ какъ мечты о „диктатурѣ“ уже мѣняли вопросъ по существу дѣла.

Изъ Константинополя намъ привезли иллюстраціи съ фотографическими снимками новаго пади-шаха, и въ моей памяти воскресалъ живой обликъ принца Хамида, какимъ я видѣла его на церемоніи селямлика нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: худощавая фигура въ черномъ стамбулинѣ безъ всякихъ украшеній или орденскихъ знаковъ, горѣвшихъ брильянтами на мундирахъ сановниковъ, матовая блѣдность лица, армянскій профиль матери—рабыни, купленной въ Эрзерумѣ; нѣжный, задумчивый взглядъ; коротко подстриженная борода и чуть замѣтно отвисшая нижняя челюсть.

Мнѣ указалъ на него дядя и объяснилъ: „а тотъ, что рядомъ съ Авни-пашою—младшій братъ султана“.

Не знаю почему, но его болѣе чѣмъ скромная вмѣшность привлекла тогда къ себѣ мое особенное вниманіе. Онъ еще живъ, этотъ монархъ, но развѣнчанъ своимъ народомъ или, лучше сказать, предательствомъ друзей, обиравшихъ его достоиніе, а міровая печать и сейчасъ толкуетъ о немъ вкривь и вкось.

Характеристика Абдуль-Хамида, какъ государя Востока, будетъ грѣшить у меня, вѣроятно, нѣкоторой субъективностью въ опредѣленіи его дѣяній и, пожалуй, неточностью историческихъ данныхъ, такъ какъ я не всегда находилась въ центрѣ событій: мои воспоминанія по преимуществу касаются быта народностей Турецкаго Архипелага, жизнь котораго проходила въ сторонѣ отъ европейскаго материка, а границами для него были всегда Эгейскія синія волны. И вотъ однажды, минуя газетныхъ репортеровъ изъ канцеляріи Великобританскаго посольства, онѣ рассказали намъ удивительную исторію, мрачную, какъ адъ, и невѣроятную, какъ сказка.

Чтобы не казаться таинственной, приходится опять сказать нѣсколько словъ о нравственныхъ качествахъ турецкой прессы, руководимой иностранцами.

Дѣло въ томъ, что мнѣ и до настоящей минуты пока еще не извѣстно, записанъ ли фактъ, который я передамъ ниже, въ исторію, мемуары или вообще куда-нибудь? Даже за границей въ мірѣ печатнаго слова, находившагося за предѣлами цензуры Генри Элліота, также его не отмѣтили нигдѣ. О турецкихъ газетахъ и говорить не стоитъ: имъ внушено было затемнить безъ всякихъ церемоній правду и людскую молву скверными анекдотами по нашему адресу—только и всего!

Несказанно поражала меня этика прессы: бывало, мои собственные глаза видѣли, напримѣръ, осязаемые предметы въ томъ или иномъ соотношеніи другъ къ другу, или еще, мои уши правильно воспринимали такіе-то звуки и рѣчи, а затѣмъ читаешь объ этомъ и не вѣришь себѣ: такъ все выходило наизнанку, такъ все извращалось до бреда! Впрочемъ, и теперь развѣ не наблюдается аналогичное явленіе?.. Но продолжаю.

Эгейскія волны дѣйствительно принесли къ намъ въ домъ очень интереснаго гостя, уже знакомаго читателю Н. Н. Макѣва, старшаго драгомана посольства. Изъ интимныхъ бесѣдъ его въ нашей семьѣ я узнала я ту страшную сказку или, вѣроятно, былъ, которую обѣщала рассказать.

Однако, раньше, чѣмъ судить Абдуль-Хамида, разберемся хотя отчасти въ инвентарѣ полученнаго имъ наслѣдства: финансо-

вое банкротство страны, война съ балканскими вассалами, ежедневныя вспышки мусульманскаго фанатизма, рѣзня въ Болгаріи, жалкое состояніе администраціи въ провинціяхъ, броженіе племенъ, подвластныхъ коронѣ султановъ, хищенія и взятки чиновниковъ, полнѣйшій разгромъ народнаго хозяйства—вотъ иллюстрація, но далеко еще не зарисованная, послѣднихъ годовъ царствованія Абдуль-Азиса!...

Майскій переворотъ окончательно устранилъ наше „вліяніе“ отъ престола имперіи пади-шаховъ; но если бы даже существовала физическая возможность передѣлать событіе иначе или вычеркнуть изъ него злодѣяніе 4 іюня, то истина обязываетъ сказать, что по отношенію къ турецкому народу сама государственная необходимость потребовала бы сверженія монарха, безумная расточительность котораго привела его къ гибели.

Такимъ образомъ, Абдуль-Хамидъ, еще тогда совершенно молодой человѣкъ, волею могущественнаго „предопредѣленія“ былъ поставленъ управлять большимъ государственнымъ кораблемъ съ развинченнымъ по всѣмъ швамъ механизмомъ. Онъ никому не могъ довѣриться, и ему было ясно, какъ день, что со всѣхъ сторонъ его окружали люди наживы и карьеры, только носившіе маску благородныхъ идей ради прекрасныхъ глазъ Европы.

Диктаторскія замашки Мидхатъ-паши раздражали его самолюбіе, оскорбляя въ немъ достоинство государя, еще не растерявшаго подобно Мураду своихъ душевныхъ силъ. Реформаторъ этотъ игралъ тогда хитроумную комедію на два фронта, и честолюбіе его не знало границъ: ему снилось уже президентское кресло въ „Турецкой республикѣ“, а Генри Эллиотъ пока еще требовалъ отъ него конституцію согласно девизу Англіи—насаждать ее вездѣ, отъ странъ экватора до высшей точки полюса сѣвернаго или южнаго, безразлично, куда она непременно заберется, чтобы открыть и тамъ парламентъ для обитателей царства вѣчнаго льда: моржей, тюленей и бѣлыхъ медвѣдей.

Такъ игралъ Мидхатъ-паша въ сторону Биконсфильда, а на другомъ фронтѣ пламенные софты, эти войны пророка Магомета, съ дикими воплями и угрозами правительству носились ураганомъ по всѣмъ кварталамъ столицы. Такова общая картина медоваго мѣсяца Абдуль-Хамида II на тронѣ завоевателей древней Византіи.

Въ ночь на 12 октября за каменной оградой великолѣпной мечети Сулеймана происходило вавилонское столпотвореніе: на его обширныхъ дворахъ, украшенныхъ мраморной колоннадой, собрались тогда всѣ до одного школьники стамбульскихъ медресе для разрѣшенія вопросовъ, касавшихся новаго калифа и властелина право-

вѣрныхъ. Правда, что бѣготня софтъ по улицамъ Константинополя, ихъ шумныя выступленія на защиту Ислама отъ гяуровъ становились уже хроническимъ явленіемъ за послѣдніе годы печальной эпохи Абдуль-Азиса и затѣмъ его преемниковъ.

Но въ ту роковую ночь судьба обманула ихъ надежды: пока они спорили, кричали, волновались, требуя и обсуждая реформы, неутомимый „Кесметъ“ въ образѣ дворцоваго агента докладывалъ султану программу собранія. Но тайны, какъ извѣстно, терпѣть не могутъ долго оставаться подъ замками, вслѣдствіе чего нашъ собесѣдникъ передалъ намъ буквально интимную бесѣду Абдуль-Хамида съ шейхомъ, нѣкто Сурей-эфенди, который пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ:

— Мой вѣрный другъ; да благословить Аллахъ твою тѣнь!—обращаясь къ послѣднему, говорилъ султанъ:—не теряя драгоценныхъ минутъ, бери лучшаго скакуна изъ нашей конюшни и лети въ Топхане. Оттуда моимъ именемъ ты поведешь батальонъ солдатъ къ мечети Сулеймана; но запомни прежде всего, что шелковая нетля обовѣется на утро вокругъ твоей шеи, если хотя одинъ мальчишка-софтъ увидитъ разсвѣтъ наступающаго дня—такъ определено „Кесметомъ“, и воды Золотого Рога пусть узнаютъ о томъ еще до перваго луча солнца...

Затѣмъ, уже народная молва добавила къ этой, быть можетъ, и легендѣ слѣдующую подробность, а именно, что якобы одинъ европеецъ попалъ тогда волею случая въ районъ мечети: безумные воли привлекли его къ стѣнамъ ограды, гдѣ онъ, незамѣченный никѣмъ, притаился между деревьями и видѣлъ собственными глазами, какъ перевозили къ берегу на фурахъ и арбахъ сотни убитыхъ и какъ бросали ихъ въ темныя струи Золотого Рога...

Не знаю, характеризуетъ ли мой рассказъ жестокаго султана, котораго Гладстонъ называлъ „великимъ убійцей“; но въ моей памяти и до настоящихъ дней рисуется образъ молодого человѣка съ нѣжной, привѣтливой улыбкой и задумчивымъ взглядомъ—ну, развѣ не удивительная аномалія здѣсь?!

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

